

Юн Шань наклонил голову и со спокойным видом позволил блестящим дорожкам от слёз остаться на лице. Увидев, что Юн Ци сильно подался вперёд, сгибаясь чуть ли не пополам, Юн Шань понял, что юноша вот-вот изольётся, и стал ещё нежнее ласкать член. Влажные звуки стали ещё громче, настолько, что их не могли заглушить даже несколько слоёв тёплого одеяния Юн Ци.

— У-ум!

В преддверии оргазма Юн Ци резко запрокинул голову, выгибая нежную шею, и, находясь в плену крепких объятий, неистово задрожал. Между ног разлилась тёплая сперма, большая часть которой оказалась прямо на ладони Юн Шаня.

Достигнув пика наслаждения, Юн Ци тотчас же обмяк, чуть ли не рухнув на стул. К счастью, Юн Шань спешно обхватил юношу, не давая тому упасть.

Покорно устроившись в объятиях младшего брата, Юн Ци хватал воздух ртом. Он открыл свои затуманенные глаза и рассеянно посмотрел на Юн Шаня.

Юн Ци действительно выглядел слишком соблазнительно.

Юн Шань не смог сдержаться и прильнул к его рту, желая лишь одарить лёгким поцелуем эти нежные губы, так похожие на алые лепестки роз. Однако едва коснувшись их, Юн Шань потерял контроль над собой, а его язык словно обрёл собственный разум, желая сразу же проникнуть внутрь и всё обследовать.

Юн Ци, всё ещё пребывая в эйфории, совершенно потерял бдительность и, приоткрыв губы, позволил языку Юн Шаня тотчас же проскользнуть внутрь.

Юн Шань провёл языком по дёснам, пробуя вкус Юн Ци.

Младший брат, словно боясь вызвать гнев старшего, мягко и неспешно, едва касаясь, скользил по языку и белым жемчужинам зубов. Вслед за этим юноша также неторопливо двинулся и к основанию языка, нежно лаская его. Он тайно размышлял, как вовлечь Юн Ци в более глубокий и соблазнительный поцелуй, да так, чтобы сам юноша этого не заметил.

— М-м... — неожиданно и взволнованно стал извиваться Юн Ци.

Юн Шань подумал, что это он разволновал старшего брата и, внезапно остановившись, посмотрел на Юн Ци.

Прелестное и утончённое лицо вновь было залито алым румянцем. Не прошло и мгновения, как Юн Шань понял и, понимающе улыбнувшись, вытянул руку к члену.

Юноша почувствовал под своей ладонью вновь возбуждённую плоть, которая только недавно излилась ему в руку.

— Старший брат действительно полон энергии, — прошептал Юн Шань.

Лицо Юн Ци приобрело ярко-алый румянец, а сам юноша чуть не заплакал от стыда.

Юн Шань не хотел смущать его ещё больше, поэтому поспешно добавил:

— Это всё из-за Юн Линя. Вы днём пили какое-нибудь вино? Обычно такое происходит под воздействием алкоголя. Старший брат никогда не пил, поэтому его тело так реагирует и его сложно усмирить. Подобное происходит со всеми мужчинами.

Юн Ци не был в этом вполне уверен. Не сказать, что он совсем не пил вина, нет, он пил, но крайне редко. Однако с такими последствиями, как сегодня, он никогда не сталкивался. Только Юн Шань, который по своей природе был человеком жестоким, не воспользовался случаем и не стал глумиться над его плачевным состоянием, что уже само по себе было неплохо. Вместо этого он вошёл в его положение и помог с его проблемой, ненадолго усмирив охваченное жаром тело. Юноша, конечно, не был настолько глуп, чтобы порочить своё честное имя и ставить себе же подножку. На мгновение Юн Ци застыл, слегка сжимая губы, а потом тихо, словно комар, вымолвил:

— А есть ли способ... Который помог бы прийти в себя?

— Не стоит сдерживаться, ведь это может навредить здоровью.

Юн Ци молчал.

— Отец-император как-то раз пожаловал нам множество придворных служанок, чтобы они помогали нам предотвратить подобное. Ведь если будем сдерживаться, то можем причинить вред собственному здоровью. — Юн Шань был заботлив и ласков. Слегка улыбнувшись, он добавил:

— Однако если до отца-императора долетит слух, что старший брат, находясь далеко не в выгодном для себя положении, потворствует плотским желанием, то это будет не слишком хорошо.

— Должно же быть хоть какое-нибудь лекарство, которое сможет успокоить...

Приблизившись к уху Юн Ци, Юн Шань прошептал:

— Или позволь младшему брату помочь тебе.

Юн Шань уже принялся за хорошо знакомое дело, словно шёл по проторенной дорожке. Зажав в ладони достоинство старшего брата, юноша мягко начал поглаживать его, скользя вверх и вниз. Юн Ци почувствовал, как наслаждение начало охватывать его, становясь всё сильнее с каждым движением. Несмотря на то, что юноша смущённо покачал головой, останавливать Юн Шаня он был не в состоянии.

Юн Ци почувствовал, как сладкая истома прокатилась по спине, и не смог сдержать тихий и низкий стон, сорвавшийся с его губ. Услышав такой постыдный звук, юноша понял, что совершенно беспомощен перед Юн Шанем. Тело Юн Ци разомлело, и всё, что ему оставалось, — упасть в объятия младшего брата, который и не думал выпускать юношу из своих рук. Находясь в безысходном положении, Юн Ци прислонился к правому плечу Юн Шаня, пряча от того своё лицо.

Когда Юн Ци прижался так близко к нему, Юн Шань ухватился за такой редкий шанс и прислонился своей щекой к щеке старшего брата. Он немного потёрся о неё, ласково произнес:

— Может, старший брат хочет отправиться в комнату?

У Юн Ци были закрыты глаза, и сам он тонул в умелых руках младшего брата, которые умиряли его плоть. Но, лишь услышав вопрос Юн Шаня, Юн Ци открыл глаза и пришёл в смятение, осознав, что в комнатке, где они находились, было огромное окно, которое не только пропускало солнечные лучи, но и показывало двух юношей как на ладони.

Сильно испуганный Юн Ци, который удобно устроился в руках младшего брата, поспешно закивал головой и снова прижался к Юн Шаню, словно желал спрятаться в его объятиях от посторонних глаз.

Юн Шань спросил, не хочет ли его брат отправиться в комнату, только из-за того, что в комнате была кровать и не было ни солнца, ни окна, через которое любой мог бы их увидеть. Однако заметив, как отреагировал Юн Ци, юноша всё понял и с чрезмерной любовью обнял брата, позволив ему спрятаться в его объятиях, и с улыбкой произнёс:

— Хорошо, мы сейчас же идём в комнату. Румянец у старшего брата слишком необычный, поэтому, пока мы не дойдём до комнаты, старшему брату ни в коем случае нельзя высовываться. Иначе, если кто-то увидит, то может в чём-то заподозрить старшего брата.

Даже если бы Юн Шань ему этого не сказал, Юн Ци всё равно бы не высунулся наружу.

Сидевший сбоку Юн Шань взял Юн Ци на руки, встал с места и вышел из комнаты. Увидев Чан Дэфу, юноша без раздумья отдал приказ:

— Его Высочество Юн Ци днём выпил немного вина и теперь плохо себя чувствует, поэтому хочет отдохнуть. Иди опусти в комнате занавески и никому не позволяй тревожить покой Его

Высочества Юн Ци.

Чан Дэфу, в отличие от остальных слуг, понял, в чём причина этого «плохо себя чувствует», но виду не показал. Сохраняя серьёзное выражение лица, слуга коротко бросил: «Слушаюсь» — и, повиновавшись приказу, отправился его исполнять.

Когда Юн Шань вошёл в комнату, занавески и правда уже были опущены. Плотная шёлковая ткань закрывала окна, не позволяя ни одной живой душе заглянуть внутрь. Все придворные служанки и евнухи словно исчезли без следа и позволили тишине воцариться даже за дверью крытой галереи.

Юн Ци, словно маленькая черепашка, покорно сжался в объятиях Юн Шаня. Младший брат, подойдя к постели, положил юношу на толстый тканый матрас, развернулся и направился к двери, чтобы её закрыть. После этого Юн Шань вновь подошёл к кровати и увидел, что Юн Ци уже завернулся в толстое шёлковое одеяло.

Нежность заполнила грудь младшего брата, который, сняв с себя одежду, тоже забрался под одеяло.

— Старший брат, теперь здесь только мы вдвоём.

Юн Шань, скользнув по телу Юн Ци, заметил, что старший брат, находясь под действием лекарства, не смог сдержаться и уже начал себя ласкать. Поняв, что Юн Шань снова стал свидетелем его падения, Юн Ци вновь стало стыдно, и он задрожал. Но младший брат не сказал ни слова, чтобы ещё больше не смущать и не пугать Юн Ци. Юноша, не спрашивая, в чём дело, спокойно обнял Юн Ци, вытянул руку, сжал ладонью длинные и прекрасные пальцы старшего брата и вполголоса нежно проговорил, наставляя:

— Положи палец вот сюда и слегка потри. Правильно, скользи вверх и вниз, иногда потирай маленькую дырочку, которая находится на головке.

Тяжёлое дыхание сорвалось с губ Юн Ци.

Два брата находились под одеялом, где любой звук становился громче в десять раз: хаотичное дыхание, тихие стоны, срывающиеся с губ, стук сердец, звучавший словно раскат грома, заставляя нервы прижиматься плотнее друг к другу, при этом ощущалось бесконечное наслаждение и тепло.

— Юн Шань... Ах! М-м, Юн Шань...

Юн Ци дрожал всем телом от ласк, что дарил ему Юн Шань. В растерянности юноша запрокидывал голову, выгибая изящную шею, и, достигнув пика наслаждения, шептал, словно в бреду, имя младшего брата.

От природы этому преждевременно родившемуся старшему брату действительно не хватало чувственного влечения. В душе наложница Ли прекрасно понимала, что её сын очень слабый, и всеми силами старалась оградить его от всего и не вела за собой, чтобы Юн Ци не поддался соблазнам, что ещё больше ослабило его тело. Поэтому чистый сердцем и умеренный в своих желаниях Юн Ци лишь несколько раз спал с женщиной.

В результате, выпив лекарство и подвергшись искусным ухаживаниям со стороны Юн Шаня, Юн Ци потерпел сокрушительное поражение.

Вскоре юноша понял, что ласки Юн Шаня стали быстрее и приносили больше удовольствия. Юн Ци был одурманен и не заметил, как убрал свою руку. Тщательно и целиком укрывшись под ватным одеялом, юноша позволил своему единокровному младшему брату ласкать свой возбуждённый член.

Вскоре юноша неожиданно выгнулся и вновь извергся в руках Юн Шаня.

Юн Ци был немного обеспокоен тем, что замарал своим семенем руку Юн Шаня, и боялся, что это приведёт к чему-то плохому. Обернувшись, Юн Ци затуманенным взглядом посмотрел на Юн Шаня, но на его лице отразилась лёгкая, наполненная любовью улыбка. Оторвав взгляд от губ, юноша увидел, что всё лицо Юн Шаня было охвачено нежностью, лаской и теплотой.

Однако очень скоро Юн Ци вновь почувствовал себя ужасно неловко.

Немного погодя член в третий раз налился кровью и страстно желал, чтобы его вновь приласкали.

Юн Ци от стыда готов был биться о стену, Юн Шань же, наоборот, снова и снова утешал его, непрерывно шепча на ухо:

— Ничего страшного, я могу лишь сказать, что старший брат за последнее время стал лучше себя чувствовать. Не то, что раньше. Впредь тебе лучше не стоит самовольно пить вино, и тогда всё будет хорошо.

Юн Шань, как и прежде, вытянул руку и продолжил ласкать достоинство Юн Ци, помогая обуздать страстное тело.

Сам же Юн Ци был в замешательстве. Чувствуя уже немного знакомое возбуждение, он всё равно почему-то испугался. Юноша утопал в море желаний. Спустя какое-то время, поняв, что он кончил, Юн Ци, лежащий на боку, обернулся и с трудом открыл глаза, чтобы посмотреть на Юн Шаня.

На лице Юн Шаня читалось лёгкое порицание, однако юноша поспешил всё объяснить:

— Мне нехорошо, но и просить о большем я не могу. — И неожиданно младший брат немного отодвинулся, однако убирать руку не спешил. Он по-прежнему держал её между ног Юн Ци, нежно поглаживая и лаская его.

Что-то острое вонзилось в сердце. Даже сквозь удовольствие и радость, которые до этого неожиданно обрушились на него шквальным дождём, Юн Ци ощутил эту лёгкую боль, терзавшую его сердце.

Юн Ци почувствовал головокружение. Еле разомкнув губы, юноша как в тумане проговорил:

— Я сам не справлюсь...

Юн Шань, уже не слыша голоса разума, всё же улыбнулся и прошептал:

— Не бойся, если ты не справишься, то я помогу тебе справиться с... — Юн Шань неожиданно замолчал, словно потеряв дар речи.

Юноша почувствовал, как под ватным одеялом робкая рука смело и немного порочно прижалась к его паху. Однако нижнее платье Юн Шаня стало преградой, мешая пальцам проникнуть внутрь и приласкать изнывающую плоть.

В этот миг Юн Шань был вне себя от радости и изумления. Высвободив одну руку, Юн Шань чуть не разорвал нижнее платье в клочья и, взяв руку Юн Ци, положил себе на член, с жаром, нежно и почти неслышно прошептал:

— Любимый старший брат, только не отдёргивай руку.

Юн Ци смутился и залился краской стыда. И пока юноша думал, что должно быть сошёл с ума, его рука неожиданно коснулась члена Юн Шаня, который был возбуждённым и обжигающе горячим, словно раскалённое клеймо. Сейчас, когда Юн Ци уже сделал свой выбор, ему нельзя было отступить. Всё, что ему оставалось, — закрыть глаза, получая удовольствие, которое так старательно дарил ему Юн Шань, и, в свою очередь, отблагодарить младшего брата за ласки.

Из-за отсутствия опыта движения Юн Ци были несколько грубыми и неуклюжими. К тому же Юн Ци был чрезмерно застенчивым и, в конце концов, заниматься нечто подобным для него было из ряда вон. Как же юноше хотелось поскорее доставить удовольствие Юн Шаню, но из-за того, что Юн Ци был взволнован, его рука очень сильно напряглась, и ласки стали больше напоминать пытку.

Несмотря на то, что тело Юн Шаня было крепким, хрупкий член всё же невозможно было натренировать. Поэтому, когда Юн Ци бесцеремонно схватил его возбуждённую плоть и начал хаотично массировать, Юн Шань не почувствовал удовольствия, скорее, наоборот, покрылся холодным потом.

Почувствовав, что что-то не так, Юн Ци обернулся и с тревогой поглядел на Юн Шаня:

— Неужели... Неужели всё очень плохо?

Благодаря своему терпению и выдержке Юн Шань, хоть и покрывался холодным потом, поднял уголки губ и, с нарочитой серьёзностью, улыбаясь, проговорил, утешая юношу:

— Старший брат действительно жесток. Но в сравнении со мной он всё же нежится в ласках.

Юн Ци странно посмотрел на Юн Шаня.

Хоть они больше не обмолвились ни словом, но их движения не останавливались ни на миг. Грудь, как Юн Шаня, так и Юн Ци, резко вздымалась, с губ срывалось учащённое дыхание и, смущённо застыв на мгновение, Юн Ци отёрнул руку.

Юн Шань сильно обеспокоился и, поспешно схватив руку Юн Ци, не позволил юноше отстраниться:

— Старший брат, что это значит?

— Я... На самом деле я этого...

— Неважно, что там у тебя на самом деле. Сначала ты довёл меня до такого состояния, а потом резко ускользаешь, бросая свои ласки на полпути, так нельзя.

В тёплых и добрых глазах Юн Ци, которые были окутаны очаровательным и сводящим с ума туманом, читалось смятение, озадаченность и неясность. Юн Шань несколько раз одаривал его своей заботой, и Юн Ци смутно понимал, что самому Юн Шаню больно. А учитывая, в каком сейчас они были положении, то, должно быть, младший брат, наследный принц, всё это время подавлял собственные желания.

Что касается сдерживания собственных желаний, то раньше Юн Ци не придавал бы этому огромного значения. Однако сегодня, ощутив горький вкус страданий, юноша понял, насколько сложно было держать себя в руках. Его тело томилось, и если бы ему не позволили кончить, то оно и дальше продолжало бы мучаться и страдать.

Почувствовав сладкое онемение во всём теле, Юн Ци утонул в море наслаждений. Все страхи, которые до этого сводили его с ума, давно рассеялись, словно пыль. Юноша смутно понимал, что разницы между тем, что с ним делал Юн Шань во Дворце Наказаний, куда его заточили по приказу отца-императора, и тем, чем они занимались в данный момент, на первый взгляд, практически не было, только сейчас всё было менее жестоко и порочно.

<http://bllate.org/book/13372/1189574>